

Дятлов А.В.

доктор социологических наук,
г. Ростов-на-Дону

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация:

Включение России в глобальную экономику – процесс, который содержит краткосрочные и стратегические последствия. Так как глобализация характеризуется доминированием финансового рынка над реальным, российская экономика оказывается реципиентом финансовых ресурсов, и это проецируется в зависимости от производительного сектора, от финансовых проектов. Сырьевая ориентация (нефть, газ, цветные металлы) порождает двойную зависимость от глобальных потребителей сырья и отечественных собственников сырьевых ресурсов, заинтересованных в экспортной ориентированности российской экономики.

Ключевые слова:

Ресурсы, ресурсный потенциал, глобальные трансформации, глобальная экономика, глобализация.

Dyatlov A.V.

Doctor of Sociology,
Rostov-on-Don

RESOURCE POTENTIAL OF DEVELOPMENT OF SOCIETY IN CONDITIONS OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

The summary:

The inclusion of Russia into the global economy - a process that includes short-term and strategic implications. As globalization is characterized by the dominance of financial markets over the real, the Russian economy is the recipient of financial resources, and it is projected as a function of productivity sector of financial projects. Raw material orientation (oil, gas, metals) generates a double dependence on global consumer of raw materials and domestic owners of natural resources, interest in export orientation of the Russian economy.

Keywords:

Resources, resource potential, global transformation of global economy, globalization.

Считается, что глобализация имеет три аспекта: информационный, экономический и технологический. Большинство российских исследователей (Г.В. Осипов, Н.Е. Покровский, В.В. Локосов) актуализируют последствия глобализации экономики для России. Существующие различия государств по уровню развития и характеру развития экономики усиливают тенденции диспаритета и эксплуатации сырьевых и человеческих ресурсов развивающихся стран [1]. Включение России в глобальную экономику – процесс, который содержит краткосрочные и стратегические последствия. Так как глобализация характеризуется доминированием финансового рынка над реальным, российская экономика оказывается реципиентом финансовых ресурсов, и это проецируется в зависимости от производительного сектора, от финансовых проектов. Сырьевая ориентация (нефть, газ, цветные металлы) порождает двойную зависимость от глобальных потребителей сырья и отечественных собственников сырьевых ресурсов, заинтересованных в экспортной ориентированности российской экономики.

Хотя признается, что сырьевая экономика является локомотивом для российской индустрии, обеспечение заказами 25-30% производственных мощностей машиностроения, увеличение затрат в сырьевом секторе (расходы на разведку, удорожание добычи) приводят к технологическому застою или выбору иностранных поставщиков.

С глобализацией связаны изменения возможностей влияния на национальную экономику. Ресурсораспределение выходит из-под контроля национальных государств, что особенно затрагивает сырьевые экономики: слишком много производителей однородной продукции, чтобы усилия одного из них имели последствия для глобальной экономики. На сырьевом рынке тесно от желающих продать ресурсы, так что цены диктуются потребителями, собственниками финансовых и технологических ресурсов. Россия, Венесуэла или Нигерия могут увеличить объем нефтяного экспорта или, наоборот, увеличить экспорт, вакуум будет заполнен производителями сырья, предлагающими товар на более льготных, хотя и разорительных для производителя условиях. Характер ресурсообмена в глобальной экономике таков, что позволяет выигрывать только ограниченному количеству лиц – основным потребителям сырья, финансовым структурам и сырьевой элите стран-экспортеров.

За 10 лет реформ вывоз нефти из России увеличился на 10-12% ежегодно, пропорционально увеличивая разрыв в доходах между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения и снижением социальных затрат государства.

Известный американский ученый Н. Хомский считает, что глобализация менее всего похожа на свободную экспансию свободных рынков через государственную границу, а на самом деле носит противоположный характер [2]. В 1971 г. 90% международных финансовых сделок относились к реальной экономике, к 1995 г. около 95% сделок носили спекулятивный характер, т.е. были связаны с игрой на снижение или повышение финансовых ставок и курсов валют. Краткосрочность финансовых инвестиций, превосходство финансового сектора закрепляет стагнацию реальной экономики. Рост доходов сырьевых монополистов и снижение жизненного уровня большинства населения показывают элитность глобализации, ее перспективность только для «избранных» обществ.

Россия вступила в глобальную экономику на заведомо невыгодных условиях: реформаторы сделали экономику открытой в период, когда она нуждалась в государственном протекционизме, в поддержке государством модернизации базисных индустриальных отраслей.

В.Л. Иноземцев подчеркивает, что важной причиной распада российской экономики стал переход к среднемировым ценовым отношениям [1]. Экономия на внутреннем потреблении сырья привела к тому, что стоимость промышленной продукции составляет в России 27%. Известно, что в то время как индустриальные общества предпочитают вывозить информационные технологии, не обладающие редкостью, Россия поставила на экспорт 90% производства стали, 80% меди, 78% минеральных удобрений, 43% нефти и 30% газа, что связано с потреблением невозможных ресурсов. Сокращение сырьевых ресурсов не стимулирует поиск альтернативы. Ресурсообеспеченные группы ориентированы на миграцию в ситуации сырьевого коллапса (истощение ресурсов), не заинтересованы в расширении социально-ресурсного слоя, так как уменьшается количество прибыли и социальная зависимость населения. Ввоз информационных технологий не оказывает решающего влияния на развитие экономики. 80-90% информационного импорта является устаревшим и на 70-80% используется в сферах потребления и обслуживания (сфера услуг, банковский сектор, развлечения). Интернет в России является сетью избранных, изредка или регулярно им пользуется только 4% населения. Так что говорить о влиянии технологических инноваций, ломающих сырьевую ресурсоограниченность, не приходится. Сырьевые ресурсы основываются на специализированных технологиях, т.е. они связаны с инновациями в узком секторе экономики и не обладают сквозным эффектом. И хотя есть государства с большими доходами от продажи сырья, ни один из богатейших не продемонстрировал ускоренного развития на сырьевой базе. Во-первых, сырьевая специализация в глобальной экономике определяет траекторию инвестирования проектов «мгновенной прибыли». Во-вторых, сырьевых ресурсов достаточно, чтобы обеспечить высокий жизненный уровень сырьевых рантье (5-6% населения) за счет отстранения большинства. В-третьих, сырьевые монополисты позиционируют зависимость от глобальной экономики и воздерживаются от инвестиционных программ в реальной экономике.

Свободное перемещение ресурсов воспроизводит отношения доминирования и зависимости, гегемонии и подчинения во внутреннем социальном пространстве. Ресурсозависимые группы ограничены при определении возможностей. Усиление разрыва между развитыми и развивающимися гражданами обозначает безальтернативную ситуацию, либо воспроизводства в качестве зависимого класса, либо включения в сетевые структуры, допуск к преимуществам глобализации. Эксперты полагают, что Россию за последнее десятилетие покинули 1,5 млн высококлассных специалистов, не имеющих возможности самоопределения в демодернизированной российской экономике. Потеря инновационного ресурса не может компенсироваться динамикой сырьевого потребления. Появление в море отсталости островков высокотехнологичных современных предприятий не меняет принципиальной конфигурации ресурсов. Асимметричность ресурсопроизводства и ресурсопотребления усиливается: внедряемые образцы потребления формируют стремление жить по-новому, жить вне страны и ее интересов. Глобализация процветает благодаря привязыванию ресурсов зависимых сообществ: местная элита переходит на службу международному капиталу, потому что именно в таком статусе она интегрируется в мировое сообщество. Из России ежегодно вывозится 30-50 млрд. долларов, что согласуется с ориентированностью сырьевых кланов на сетевой обмен. Происходят инвестиции не в национальную, а в глобальную экономику и забвение сообщества становится фактором глобализации. У. Бек говорит о симметричности глобальной экономики транснациональному социальному пространству, сетевому ресурсу. На наш взгляд, транснациональное социальное пространство отвечает интересам групп (П. Бурдьё), которые привязаны по социальным диспозициям к ролям в сетях глобальной экономики. Агенты глобализации получают несомненные преимущества через поддержку со стороны глобальных сетевых структур и возможность перемещения социальных ресурсов в безопасное пространство. Российские олигархические собственники активно размещают свое состояние за рубежом в соответствии с логикой глобализации: сферой притя-

жения является финансовый сектор, не связанный с рисками реальной экономики, а также государственными ограничениями. Глобализация поэтому является процессом размывания суверенного социального пространства, изменения механизмов ресурсораспределения. Исследователи (Ивалерс, Тайн, Дж. Пресбит) указывают на концентрацию информационных, интеллектуальных ресурсов в сетях глобализации. Глобализация упрощает социальное пространство в его классическом варианте, когда экономический ресурс переформирует культурные и властные диспозиции. Вместо возможностей ресурсообмена выстраивается иерархия ресурсного доминирования. М. Кастельс обращает внимание на преодоление этатизма, децентрализацию власти, что реально означает перетекание власти от государств в глобальные сетевые структуры, усиление зависимости не только государств, но и целых групп населения от решений, принимаемых сетевыми собственниками ресурсов.

Российское общество движется по принудительной траектории вхождения в глобализацию. В отличие от традиционных социумов, которые наращивают индустриальный потенциал в целях конкуренции и кооперации, деиндустриализация, разрушение индустриально-технической базы, депрофессионализация населения, натурализация образа жизни характеризуют Россию как общество насильственной традиционализации.

Глобализация связана с асимметричностью социальных ресурсов, неравенством, анклавностью и периферийностью. Российское общество становится все более ресурсозависимым. Развитие сырьевой экономики за счет деградации остальных, в том числе и конкурентоспособных секторов, требует упрощения социальной структуры, политического авторитаризма и ограничения национального суверенитета. Транснациональное социальное пространство возникает в результате бесконтрольного проникновения транснациональных структур, происходит переструктуризация пространства таким образом, что сетевые структуры обладают влиянием над каждым ее значительным сегментом. В объемном исследовании М. Кастельса «Информационная эпоха» традиционное социальное пространство понижается в статусе, так как глобализация экономики вызывает локализацию политики. Так называемое новое государство якобы открывает больше возможности, чем закрытые ресурсораспределяющие отношения национального пространства. То есть неравные в экономике участники глобализируемых сообществ выравниваются в политике локализацией своего представительства. Ресурсоидентичности, к которым призывает А. Турен, и в какой-то степени эти мысли близки М. Кастельсу, всегда надстраиваются над базисными социальными обществами. В периферийном обществе весьма слабая социальная организация и в упрощенном развитии как неадекватном ответе на глобализацию содержится усиление позиции ресурсообеспеченных слоев, поощряется социальная некомпетентность остального населения. Большинство россиян не имеют элементарных представлений о структуре, целях, способах деятельности международных финансово-экономических и политических институтов, сетевых структур, распоряжающихся сырьевыми ресурсами России. Глобализация как процесс самонастраивания глобальных сетей подталкивает на разрыв с институциональной логикой. Ресурсопотребление внутри системы в действительности является формой ресурсозависимости: отказ от своей доли в национальном богатстве, режим экономии, снятие требований социально-ориентированной экономики соответствуют логике глобализации. М. Кастельс признает, что так называемые локальные общества трансформированы в бессистемное население, которое зависит от управления извне. Опыт глобализации в России раскрывает ее автономность по отношению к целям саморазвития. Например, Москва аккумулирует 85% финансовых потоков, Санкт-Петербург – 40% экспорта, остальная часть страны принуждается к насильственной традиционализации, натуральному хозяйству и финансовой зависимости от центра. Однако не будем спешить с выводом о возвращении к модели централизации ресурсов и ресурсной монополии государственной бюрократии. К российской действительности более подходяще замечание У. Бека о глобальном понимании государства как глобализации, как критерия национальной политики.

Россия живет в глобальном мире только отчасти: ее экономический, военно-политический, научно-технический потенциал уже отстает от Индии и Китая (1:1,2:2,1). Ресурсы советского периода как возможность пролонгирования статуса с неопределенным будущим заканчиваются: 2010 – 2015 г. могут стать поворотными в окончательном уходе страны в четвертый мир в связи с устарением сил ядерного сдерживания, изношенности индустриально-технической базы, невосполнимым уроном депопуляции и маргинализации населения. Можно принимать или отклонять глобализацию, но равно как вступление в этот процесс не гарантирует лучшего результата, так и устранение из него не означает подлинного суверенитета. Оба выхода из ситуации ресурсозависимости просто воспроизводят логику сетевых структур. В любой ситуации Россия не избавляется от главной своей беды – отсутствие современной социальной инфраструктуры. Глобализация вызывает противоречие разрыва внутри государства, так как

социально обездоленные слои населения ввергаются в традиционализацию, не владея опытом ведения натурального хозяйства, не имея позитивного выбора в пользу общественных мобилизационных целей. Возрастающая отчужденность общества от государства выгодна сетевым структурам. Являясь производителями рисков глобализации, сетевые структуры намеренно дистанцируются от голода, войн, потребительских бунтов и безработицы. Ответственность возлагается на государство, которое не в состоянии конкурировать с сетевыми структурами по ресурсообеспеченности, но обязано удовлетворять основные общественные потребности.

Дефолт 1998 г. в России имеет своих героев внутри страны, но механизм был запущен деятельностью МВФ, политикой краткосрочных займов, поощрения виртуальной экономики и сырьевого экспорта. И. Уолерстайн в миросистемном подходе говорит о единой мировой системе, которая задает форму отношений между социальными (ресурсными) неравенствами в мировом масштабе. Максимизация прибыли, принуждение на мировом экономическом рынке делает маловероятным однородное ресурсное пространство. Российское общество распадается на центр, полупериферию и периферию, так что речь идет не о возвращении сильного государства, а о формировании ресурсно-дистрибутивной системы с патриархализацией отношений ресурсного потребления. Сетевые структуры используют информационные и технологические влияния для изменения ресурсопотребления внутри отдельных обществ. Ш. Эйзенштадт пишет, что традиционными задачами центра можно назвать: мобилизацию ресурсов для осуществления задач переходного периода, установление связей с широкими слоями населения, включение новых механизмов участия в трансформационной деятельности. Трансформационные процессы в российском обществе заданы сетевыми структурами. Демодернизация экономики, децентрализация политической власти выглядят естественными в формировании ресурсозависимого общества. Тенденция периферизации определяется не проклятостью российской истории, а задачами контроля глобализированного государства, неэквивалентного ресурсообмена. Вместо инвестиций в экономику России из страны вывезено приблизительно от 450 до 600 млрд. долларов, что хватило бы на модернизацию социальной сферы (образование, наука, культура, здравоохранение). Логика глобализации вполне адекватна ситуации глобальной зависимости, подчиненной интегрированности в сетевых структурах. М. Кастельс, посвящая немало страниц России, отмечает высокую функциональность российской распределительной экономики, но им же дается и основное противоречие между ресурсорастрачностью оборонного комплекса и задачами технологической инновации. Якобы сосредоточие усилий на внеэкономических задачах привели к краху экономики мобилизационного типа.

Отметим, что экспорт вооружения (3-4 млрд. долларов) является чуть ли не единственным показателем технологического участия России в глобальной экономике. Трансформация российской экономики, ее открытость сетевым структурам привела, как известно, к доминированию двух групп населения: собственников ресурсов и потребителей реципиентов, заимствованных технологий, не заинтересованных в воспроизводстве социальных ресурсов. Если в советский период общество проигрывало в инновационности, то сейчас российское общество отброшено в состояние насильственной традиционализации. Модель традиционализованного общества, каковым предстает современная Россия, отражает негативные тенденции в авторитарности, натурализации экономики, адаптации технологии к примитивным, монокультурным изменениям. Когда лидеры западных технологий нацелены на устранение потенциальных конкурентов, напрасно ожидать с помощью сетевых структур обновления технологического потенциала (яркий пример дает так называемая конверсия российского ВПК).

Российский социолог Т.И. Заславская сформулировала передел собственности как цель российской трансформации, что вносит понимание в состав акторов трансформационного процесса, предпочтение формирования класса собственников в ущерб экономической эффективности, ориентация на скорейшее избавление от крупного индустриального производства. Если экономика не может развиваться в пределах глобализации, то экономическая активность перемещается в зону риска.

Российские элиты стремятся войти в глобальную экономику в ущерб интеграции в глобализуемый мир. У. Бек предлагает неэкономический вариант глобализации, исключающий локализованную бедность. Потенциал России видится в культурном достоянии, высоком уровне образования населения, передовых научных исследованиях. Более 600 тыс. российских ученых работают в научно-исследовательских структурах различных государств. Известно, что поддержка науки и образования дает более эффективные результаты, чем стимулирование сырьевого экспорта. Моноресурсное общество не в состоянии развивать всеобщее образование и фундаментальную науку. За последние 10 лет российскими экономическими структурами приобретено более 70 тыс. устаревших технологий, 90% российских компьютеров отстают от западных аналогов на 5-10 лет.

Россия становится рынком сбыта устаревших самолетов, электронного оборудования, систем коммуникации, что вынуждает российских ученых мигрировать из страны в поисках достаточного вознаграждения, подтверждения профессиональной квалификации и интересной работы. Сетевые структуры намеренно разрушают научно-исследовательский спектр России или эксплуатируют с целью максимизации прибыли: отечественным ученым платят в 4-6 раз меньше, чем за аналогичные исследования зарубежных коллег и покупка ноу-хау становится привлекательной сферой инвестиций. Особенность влияния глобальных сетей на ресурсообмен выражается в переориентации высшего образования на западные стандарты, что в официальной версии якобы повышает конвертируемость российских дипломов, и реально переводит российское образование в разряд второстепенных. Больше половины средств, выделенных на нужды образования, расходуются на введение новых курсов, часто бесполезных или противоречащих общественной морали, приглашение западных экспертов, реализацию программ многочисленных инновационных центров. Проводимая компьютеризация российских школ в условиях 70% износа образовательной структуры (здания, оборудование) и гарантированной нищеты учителей не может вытянуть на позиции передового образования.

Сохранение фундаментального образования, что делает российскую науку лидирующей в перспективном знании, отвечает задачам новационного обучения, воспроизводства российской интеллигенции, перемещению в сферу возобновляемых социальных ресурсов.

Россия вступила в глобальный мир, и это поддерживается зарубежными исследователями (И. Валлерстайн), т.е. с ограниченными возможностями определять свои позиции миросистемного развития. Опыт других государств (разрушение окружающей среды, экономический диктат, социальная нестабильность) не возымел предупреждающего значения на российских реформаторов.

Очевидна неэквивалентность ресурсообмена. Сырьевое, интеллектуальное богатство расходуется на приобретение вторичных технологий, что более усиливает зависимость ширпотреба и массовой культуры. Общество все более оказывается объектом экспансии не только со стороны объектов глобализации, но и полупериферийных государств (Турция, Китай, Индия). На протяжении 10 лет Россия обеспечила развитие северовосточного Китая и восточной Турции, внутренней периферии этих государств, был дан толчок развитию инфраструктуры, рынку труда. Такое донорство в 20-28 млрд. долларов имеет двойное значение. Окончательно исчезают импульсы развития отечественной экономики и закрепляется депрофессионализация бывших квалифицированных слоев (40% российских инженеров и техников заняты челночным бизнесом).

Глобализация усиливает демодернизацию общества, так как основными производительными группами становятся экспортеры сырья и импортеры ширпотреба, что направлено на создание проедающей, потребляющей экономики. Только 12% выручки от экспорта направляется на инвестиционные проекты в реальной экономике, образовании, культуре. 80% российского сырья возвращается в страну в виде готовых товаров: например, в России существуют мощности для обработки 100% отечественных алмазов, но 70-80% обращается на теневом рынке, переправляется в Израиль, Бельгию, США, чтобы вернуться в огранке, превышающей первоначальную стоимость в 50-60 раз. Структура потребления российского общества (пища, одежда, развлечения) также усиливает традиционализацию деиндустриализации. Относительный внутренний порядок, политическая стабильность является целью российского правящего класса. Однако недостаточная ресурсная база государства, нежелание государства проводить эффективную социальную политику подрывают доверие населения к власти, усиливают антиэтатистские настроения в обществе. Власть утрачивает контроль над процессами социального взаимодействия, проигрывает гибкости, перепрограммируемости сетевых структур на ресурсное минипространство, не в состоянии перейти на горизонтальное взаимодействие, налаживание механизмов ресурсной взаимопомощи.

Таким образом, глобализация проблематизирует проект российского социального государства. Экономический рост в России, задача удвоения ВВП в ближайшие 10 лет затруднены барьерами максимизации прибыли (производители не готовы к увеличению производства, жертвуя нормами прибыли) и настроениями населения не на самопожертвование, а хотя бы на оstepенное улучшение. Восточноазиатские «тигры» использовали корпоративный ресурс, этику сбережения для развития экономики, что направляло финансовые ресурсы исключительно на развитие, а не на потребление. Между собственниками и работниками существовало согласие на взаимное ограничение роста прибыли и заработной платы. Восточноазиатский регион вписался в глобальное пространство с выгодными правилами ресурсообмена, так как заранее был подготовлен для интеграции в миросистему. Приглашение в глобализацию содержит иные возможности, чем позиция побежденного: приглашенный обладает преимуществами выторговыва-

ния условий, вынужденный выбор российского общества развязал перспективу ресурсозависимости и неэквивалентного обмена. Страна, которая пропустила удобный момент подключения к глобализации, могла бы определенное время пробыть в режиме относительного протекционизма. Речь идет об управляемости ресурсами, оптимизации ресурсообмена. Китай в 80-е гг. отправил учиться за границу, преимущественно в США, 600 тыс. человек, из них около 80% вернулись в страну, стали носителями высоких технологий и передового менеджмента, способствовали революции в экономике, транспортной инфраструктуре, сфере коммуникаций. Россия же стала экспортером интеллекта. Около 200 тыс. молодых россиян обучается за рубежом, но готовы вернуться только 2-3%. Мы не только субсидируем зарубежную науку, помогаем сэкономить 20-30 млрд. долларов, но и удосуживаемся поддерживать американскую и европейскую системы образования. Потери от сокращения претендентов на дипломы из Азии и Африки американские университеты компенсируют выходцами из России и стран СНГ.

В логике глобализации максимизация прибыли основывается на отказе от социальной политики государства и возвращении к «естественному» распределению социальных ресурсов. Участие России в глобальном ресурсообмене характеризуется снижением компетентности и самостоятельности в силу адаптивного, навязанного сценария, принятия стратегии младшего партнера, высоки издержки на выполнение обязательств по отношению к развитым государствам без соответствующей компенсации за неизбежные материальные и социальные потери (участие в борьбе против международного терроризма). Ее возвращение в мировое развитие оплачивается ценой экономической и социальной деградации, оторванностью правящего класса от национальных интересов. Совсем недавно Т.И. Заславская писала, что революционная динамика дает шанс увидеть своими глазами чудо, резкое повышение экономического развития, превращение страны из технически и социально отсталой в мощную и современную демократическую державу. Однако стремление к разрушению старых структур и институтов всегда содержит риск бифуркации, возвращения к ресурсозависимости. Следует различать зависимое развитие и самостоятельную социальную траекторию. Советский Союз отставал технологически не по причине изоляции, а по причине невостребованности новейших технологий, которые представляли угрозу централизованной модели распределения. Отказ от вступления в глобальный мир был продиктован пониманием неизбежного диспаритета виртуальной и реальной экономики. В сетевых структурах использование информационных и финансовых ресурсов основано на установлении зависимости потребителей ресурсов, хотя для завлечения предлагаются якобы выгодные условия сделки.

М. Кастельс отмечает, что глобализация ведет к поражению организованного труда, трансформации социальных классов в группы временных интересов, соответствующие базовым параметрам экономической реструктуризации. Иначе говоря, российское общество включается в сети богатства, власти и символов частично, оставляя демодернизации большие сегменты общества. То, что Кастельс называет специфическими культурными проявлениями, составляет 70% российской экономики, закрытой для технологической новации и производства знания. Специфика глобализации для российского общества – в неспособности адаптироваться к информационной революции в структуре, связанной с использованием персонифицированных технологий. Оспаривать эвристичность данного предположения мы можем в анализе избирательности глобализации. Технологическая траектория поддерживается в интегрированных субдоминантных структурах, остальные ориентируются на роль контролируемой периферии.

Сама техногенность глобализации определяется социальными влияниями, возможностями информационного и научного потенциала. И. Уолерстайн поддерживает спонтанное влияние виртуальной экономики в сохранении и усилении глобализации. Информация оказалась тем тараном, который пробил бреши в закрытых пространствах. Советская система существовала в равновесии, пока ей не была навязана логика глобализации, внушен комплекс неполноценности неформальным соревнованием с западным сообществом. Кастельс не случайно заявляет о том, что в закрытых сообществах испытывается страх перед потенциально разрушительным действием технологических изменений на социальную стабильность. Информация успешно преодолевает государственные границы, преодолевает иерархический порядок, изменяет стратификационные основания общества. Критерии профессионализма, доходности, законопослушания декларативны в ситуации неопределенности, адаптабельности как доминирующей социально-профессиональной характеристики. Как пишут авторы «Окончание реформ в России 1991 – 2001», главными показателями общества становятся не планирование натуральных показателей, удовлетворение потребностей, а движение денег, что соответствует логике сетевых структур виртуальной экономики, ВВП, сбалансированность бюджета, размет долга. Удвоение или утроение ВВП не влияет на уровень жизни населения, социально-экономические права, ресурсную базу слоев, так как объем активного капитала не обязательно конвертируется в по-

вышении дохода населения, а интенсификацию оборота финансовых ресурсов, ускорение динамики реальной экономики. Отрыв экономики от воспроизводства социальных ресурсов связан с перемещением центра ресурсораспределения в глобальные структуры. Когда общество лишено возможности удовлетворить основные социальные потребности, блокирование инновационной энергии несомненно выше, чем при самых больших материальных затратах и давлении государственной бюрократии. Позиция российского общества в глобализации определяется его внесением в реестр традиционных периферийных, что вполне объяснимо с появлением признанных мировых центров инновации. Вроде бы блестяще исполненные рецепты минимизации государственного вмешательства и успешной интеграции в глобальные структуры демонстрируют наихудшие уроки. Оказывается, внутренние инновационные процессы могут быть более эффективны, чем близость к глобальным инновационным центрам. Технологические инновации в своей основе могут быть привнесенными, но эффективными, если более-менее распределяются во все сферы экономики. Например, разрыв между производительностью труда в России и развитых странах существенно увеличился в период реформ, в 1991 г. – 65% от американской, в 1998 г. – 25%. Энергооснащенность сельского хозяйства упала в 6 раз, производительность – в 3 раза. Глобализация продвигает развитие тех реформ, которые направлены не на удовлетворение социальных потребностей. Оппозиция прибыли в конкретной стране и конкретной ситуации, когда движение ресурсов вызывает ресурсный вакуум, блокирует развитие социальных отношений. Социальные группы сталкиваются с ситуацией безальтернативности социальных ресурсов, так как социальное воспроизводство зависит от перераспределения сетевых структур, преобладания информационных и финансовых потоков.

Ни одно периферийное или полупериферийное общество не может быть стабильным, поэтому так называемые специфические вариации возникают вокруг зоны стабильности, т.е. сетевые структуры влияют на технику, экономику, конструируют новый тип ресурсораспределения. Ссылки на российскую историю, национальный менталитет могут обладать объяснительной силой только за первенство во внутреннем пространстве. Т.И. Заславская отмечает, что наиболее решительной представляется политика уступок правящего класса основным массам населения, но это не относится к безответственно правящей элите и не является той ценой, которую требуют глобальные сетевые структуры. Когда говорится о возможности переориентированности экономики на интересы среднего класса, забывается социальная макрозависимость, дисперсия макроресурсов. И. Уолерстайн формулирует положение о неуверенности суверенного государства, что справедливо в отношении правящего класса. Глобализация дает свободу потребления и регулирует сферу использования ресурсов. Если бы вдруг сырьевые ресурсы были переориентированы на развитие инновационной экономики, закрепление зависимости от глобальных структур привело бы к коллапсу экономики и доминированию спонтанности распределительного механизма. Собственно, в эпоху индустриализма была возможность переориентации социального потребления, и проблема состоит в эквивалентном ресурсообмене, регулировании рынка при помощи социально-респонсивных норм. Современные модели ресурсораспределения задаются глобальными структурами и, наверное, перспективы российского среднего класса зависят от того, как сетевые структуры отвечают интересам правящего класса, готовности к цивилизованному разрешению социальных конфликтов, предоставления больших возможностей элитным слоям населения. Не случайно Т.И. Заславская называет средний класс примазавшимся к правящей элите. Глобализация исключает формирование самостоятельных ресурсообеспеченных групп. Российский средний класс, по оптимистическим прогнозам РНС и НП, составляет 41% населения, правда, по их самосознанию. Так называемые критерии самоидентификации во многом программируются стандартами потребления, создающими отношение к уровню потребления развитых стран. В отличие от Латинской Америки и Средней Азии в российском обществе бывшие советские классы депрофессионализировались, но сохранили ориентации на достойный уровень жизни, т.е. постепенное улучшение своего положения, достижение западных стандартов потребления. Это вызывает парадоксальную ситуацию ресурсного соблазна, когда большинство россиян осознают бесперспективность так называемой «природной ренты», но именно в ней видят залог своего процветания.

Скачок в виртуальный средний класс, зафиксированный российскими исследователями, показывает ресурсозависимость тех групп, которые претендуют на поддержку стабильности. Упускается из виду, что российское периферийное общество не имеет гетерогенной социальной структуры, что в нынешних условиях воспроизводится новое социальное неравенство, что глобализированная экономика построена на сверхэксплуатации периферийного общества. Сетевые структуры в ситуации риска уходят, что было продемонстрировано в Аргентине 2001 г., жертвуют социальной стабильностью, если это расходится с повышением ресурсозатратности. Другое дело – стабильность центра глобализации, где логика максимизации прибыли ограничи-

ваются сохранением сильного государства как гаранта недопущения хаоса. Прослеживается бинарная логика, усиление собственной ресурсодостаточности и сброс ресурсных рисков в периферийные общества, каковым и является Россия. Явно усиливается государство в центре глобализации, наращивается потенциал и влияние с целью предупреждения возникших сбоев и возмущения. Так что российская олигархическая экономика обязана глобализации появлением групп с глобальной идентичностью, статусом агентов глобализации. Интересы определяются преимущественно заботой о сохранении монополии на ресурсы и дифференциацией общества по критерию ресурсобеспеченности. Приоритет экономической целесообразности над воспроизводством социальных ресурсов отвечает глобализации и деформирует социальное пространство. Господство глобальных сетевых структур поддерживается информационными технологиями, которые влияют на рост виртуальной экономики и усиливают социальное неравенство. Ведущее место занимает переброска ресурсов. Если возникает ситуация риска, интенсифицируются ресурсораспределительные потоки. Кстати, инновация, отмечает М. Кастельс, сокращает число рабочих мест, т.е. глобализирующие отрасли российской экономики все более уходят от решения социальных проблем: низкие социальные издержки возмещаются притоком гастарбайтеров из стран СНГ.

Таким образом, глобализация сокращает воспроизводство социальных ресурсов. Во-первых, экономика все больше подпадает под критерии делания денег и не преуспевает в удовлетворении базисных социальных потребностей большинства населения. Во-вторых, ресурсы периферийного общества отделяются от суверенного социального пространства и поддаются логике сетевых структур. В-третьих, вхождение России в статус побежденной, отсталой страны стало условием капитуляции, максимальной открытости и беспрепятственного влияния глобальных сетевых структур. Инвестиционная привлекательность России по критериям сырьевой специализации означает усвоение устаревших технологий, потребительских стандартов в обмен на ресурсное разрушение общества, компродорство правящей элиты, традиционализацию и демодернизацию основных слоев населения, принуждение к экономному потреблению и распространению новых социальных практик. Цена глобализации России в сумме 400-500 млрд. долларов, чтобы создать прослойку интегрированных в глобальное сообщество граждан (1-2% населения), слишком высока для перспектив вхождения в глобальный мир. Поэтому российские исследователи отмечают планируемую спонтанность, стихийность происходящих перемен. Ясно, что Россия поставлена в самые неблагоприятные условия, но не совсем очевидно, как призывы модернизации обернулись социально-ресурсной катастрофой.

Ссылки:

1. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке. М., 1999. С. 7.
2. Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002. С. 19.
3. Иноземцев В.Л. Пределы догоняющего развития. М., 2000. С. 243.

References (transliterated):

1. Osipov G.V. Rossiyskaya sotsiologiya v XXI veke. M., 1999. P. 7.
2. Khomskiy N. Pribyl' na lyudyakh. M., 2002. P. 19.
3. Inozemtsev V.L. Predely dogonyayushchego razvitiya. M., 2000. P. 243.